
КЛИНИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

КЛИНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

Научно-просветительский журнал

2 • 2026

Новосибирск

КЛИНИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ
(КЛИНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ)

2 • 2026

Научно-просветительский периодический журнал

**Журнал «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ТУ54-00955 от 01 апреля 2025 г.**

Учредитель и издатель: Сальников Олег Олегович

Редакционный совет

Главный редактор

Руденский Е. В. – доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор социальной психологии и клинической социологии, академик АПСН, МАСР, МАСП, МАПН, член-корреспондент МАН ВШ, президент – научный руководитель НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» (Новосибирск)

Зам. главного редактора

Клейберг Ю. А. – академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Тверь)

Руденская Ю. Е. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии НГПУ (Новосибирск)

Ответственный секретарь

Скорова Д. П. – бакалавр психологии, ассоциированный научный сотрудник НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», ответственный секретарь «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» (Новосибирск)

Редакционная коллегия

Андриенко Е. В. – доктор педагогических наук, профессор (Новосибирск);

Руднева Е. Л. – доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ (Кемерово);

Пономарёв В. Д. – доктор педагогических наук, профессор (Кемерово);

Чухрова М. Г. – доктор медицинских наук, профессор (Новосибирск);

Илларионов С. В. – магистр психолого-педагогического образования, магистр психологии, технический директор НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» (Новосибирск);

Сальников О. О. – магистр психолого-педагогического образования, исполнительный директор НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» (Новосибирск)

ISSN 3033-702X

© Сальников О. О., 2026

© Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология), 2026

© Оформление. ФГБОУ ВО «НГПУ», 2026

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией. Ссылки на журнал при цитировании обязательны

Журнал основан в 2025 г.

Выходит 4 раза в год

Электронная верстка – И. С. Заковряшина

Корректор – Е. С. Старожукова

Адрес редакции:

630049, г. Новосибирск, ул. М. Перевозчикова, 4-82, т. +7(913)019-60-90

Адрес типографии и издательства:

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, т. (383)244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 3,3. Уч.-изд. л. 2,2.

Тираж 100 экз. Заказ № 42.

Формат 70×108/16.

Цена свободная.

Дата выхода в свет 26.06.2026

Отпечатано в Издательстве НГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

Сальников О. О.

Клиническая социально-психологическая виктимология: динамика развития в повседневной практике 4

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Руденский Е. В.

Виктимодрамапатия личности как проблема клинической социально-психологической виктимологии: виктимогенная драмапатия личности 6

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Илларионов С. В.

Теория габитуса Пьера Бурдье как парадигма клинико-социологической методологии социально-психологической виктимологии Е.В. Руденского 13

ПСИХОМЕХАНИКА КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Скорова Д. П.

Влияние когнитивных искажений клиента на процесс психологического консультирования 19

КЛИНИКО-ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕВИКТИМИЗАЦИИ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ

Сальников О. О.

Клинико-виктимологический анализ социально-психологических типов личности подростков-девиантов 28

САЛЬНИКОВ ОЛЕГ ОЛЕГОВИЧ

Учредитель и издатель журнала «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)», исполнительный директор, старший научный сотрудник НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», психолог ГАУСО НСО СРЦН «Снегири», магистр психолого-педагогического образования, sal-oleg99@mail.ru, Новосибирск, Россия

Клиническая социально-психологическая виктимология: динамика развития в повседневной практике

Научно-просветительский журнал «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)» переживает выход в свет третьего по счету номера, если следовать сквозной нумерации, и второго по счету в 2026 году. И это отражает реальность динамики развития клинической социально-психологической виктимологии и повседневной работы научных сотрудников НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», определяет вектор ее развития. Наука, которая родилась на рефлексии терапевтической социально-психологической практики Е. В. Руденского и его теоретико-методологических исследований, обрела статус базовой научно-концептуальной теории для деятельности научных сотрудников НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского».

Любая наука живет лишь тогда, когда постоянно находится в процессе своего развития, то же относится и к социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского. Она развивается активно, и это было отмечено на зимней научной сессии нашей Лаборатории, на которой студенты факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета для своих выступлений организовали целую секцию, где впервые в истории нашей работы представили ментальные карты научной концепции и социально-психологические трактовки виктимологии с позиции основных научных статей и монографий Е. В. Руденского. Это все отражает динамику развития социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского и клинической социально-психологической виктимологии, динамика которой отражается в нашем журнале.

Так, на текущий момент *социально-психологическая виктимология личности Е. В. Руденского* оформилась как метатеория, состоящая из пяти теорий.

1. *Феноменологическая социально-психологическая виктимология*, в рамках которой отрабатываются все понятия и концепты, из которых ключевой

является виктимность. Оформление этой теории заканчивается на обосновании виктимодрама-концепции, что задает русло и тон для всех остальных теоретических концепций.

2. *Генетическая социально-психологическая виктимология*. В ее рамках рассматриваются механизмы формирования виктимности, изучается виктимодрама культурного развития.

3. *Экзистенциально-драматическая социально-психологическая виктимология*. В ее рамках изучается виктимодрама социального функционирования.

4. *Клиническая социально-психологическая виктимология*. В ее рамках изучается виктимодрама культурного генеза (культурно-генетической ревиктимизации).

5. *Терапевтическая социально-психологическая виктимология*. В ее рамках изучается виктимодрама двух типов: виктимодрама-терапия в случае отдельного человека, виктимодрама-социатрия в случае группы.

Текущий номер журнала в основном сосредотачивает свое внимание на развитии *виктимодрама-концепции клинической социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского* – интерпретации концепции габитуса в рамках этой концепции, ее расширении путем дополнения концептом «виктимодрама-диспозиция», рассматриваемым как системный элемент диспозиционной регуляции социального актора. Также в текущем номере журнала авторы рассматривают вопросы отклоняющегося развития личности – введение и описание категории «подросток-девиант», исследование когнитивных искажений и степени их влияния на процесс консультирования.

Стоит также отметить, что основополагающий материал для написания статей авторы получают в результате рефлексии ментальных тренингов по программе «Драма-анализ виктимности и виктимной личности», проводимых президентом, научным руководителем нашей Лаборатории, Евгением Владимировичем Руденским, на регулярной основе по пятницам раз в две недели на протяжении последнего полугодия. Это уникальный ментальный тренинг развития теоретико-методологического мышления профессионального самосознания социального психолога-виктимолога и важнейшая форма демонстрации динамики развития практически всех теорий социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского. Некоторые этапы развития представлены в публикуемых в этом номере журнала статьях. Они отражают вектор развития и состояние клинической социально-психологической виктимологии в первом полугодии 2026 года.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 2

Научная статья
УДК 316.6+159.923

Виктимодрамапатия личности как проблема клинической социально-психологической виктимологии: виктимогенная драмапатия личности

Е. В. Руденский¹

¹ Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

Аннотация. Представлена феноменология и морфология «виктимогенной драмапатии личности» как концепта социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского, согласно концепции развития научной школы социальной психологии клинической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, автором обосновано его понимание проблемы виктимодрама-терапии виктимности и показано функциональное назначение концепта «виктимогенная драмапатия виктимности личности» в структуре социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского.

Определены основные характеристики триады драматизмов, которые характеризуют динамические параметры виктимогенной драмапатии виктимности, дана их классификация. Установлены параметры диагностической интерпретации виктимогенной драмапатии личности и представлено понимание этого концепта для клинической социально-психологической виктимологии.

Ключевые слова: виктимогенная драмапатия личности; виктимодрама-терапия; клиническая виктимология личности Е. В. Руденского; личностный драматизм; социально-психологическая виктимология личности; социально-психологический драматизм; социальный драматизм

Для цитирования: Руденский Е. В. Виктимодрамапатия личности как проблема клинической социально-психологической виктимологии: виктимогенная драмапатия личности // Клиническая виктимология (социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 2. – С. 6–12.

Динамика развития социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского как инновационной метасистемы социально-психологических теорий виктимогенеза личности, психологических теорий виктимности личности, социологических теорий дисфункциональной личности, социально-психологических и социально-педагогических теорий девиктимизации личности имеет тенденцию синхронного развития двух линий ее концептуального генеза.

© Руденский Е. В., 2026

Первая линия – это развитие концептуальной и методической концепций отдельных частей метасистемы. Вторая – развитие концептологии и методологии клинической социально-психологической виктимологии личности и терапевтической социально-психологической виктимологии как своего рода праксиологической вершины всей метасистемы социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского.

Феноменологическая социально-психологическая виктимология личности – это первая часть социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского. Она раскрывает социально-психологический и психологический механизмы онтогенетической виктимизации и раскрывает сущность понимания типа личности – «*виктим*» [2].

Виктим как базовый феномен феноменологии метасистемы, порождающий научное понимание феноменов социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского как теории и практики виктимизации, ревиктимизации и девиктимизации личности (*социального актора*) – жертва неблагоприятного детского опыта, пережитого и зафиксированного в дисфункциональных схемах самосознания (*виктимная идентичность*), токсичных эмоциональных схемах (*виктимо-токсикоз субъектно-регуляционной системы*) самосознания, дисфункциональных конативных схемах (*виктимо-девиации социального поведения*).

Это все определяет психогенетическую феноменологию социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского. Она формирует феноменологическую базу функционально-генетического подхода, обеспечивающего целостность метатеории, представленной частными социально-психологическими теориями виктимологии.

Социально-генетическая феноменология формируется на базе исследования феномена «*социализационный дефект онтогенеза*». А культурно-генетическая феноменология конструируется на аналитической интерпретации феномена «*культурный виктимогенез*».

Своего рода феноменологическим скрепом феноменологической социально-психологической виктимологии является *сценарно-драматическая феноменология*, реализующая виктимодрама-концепцию метасистемы и выдвигающая ее как метатеорию экзистенциальной драмы социального актора – жертвы неблагоприятного детского опыта. Драма, а точнее виктимодрама, таким образом становится социально-психологическим механизмом развития, формирования и функционирования социально-психологического виктимотипа социального актора, где драматическая экзистенция как функциональный механизм социальной онтологии социального актора определяет деструктивную сущность его социально-психологического виктимотипа, которая раскрывается в процессе развития (виктимодрама-генез) во второй части социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского – *генетической социально-психологической виктимологии*, а в третьей части – *экзистенциально-драматической социально-психологической виктимологии*

раскрывается функционально-деструктивная психодинамика социально-психологического виктимотипа социального актора.

Экзистенциально-драматическая социально-психологическая виктимология выделена в самостоятельную виктимологическую теорию ввиду того, что виктимодрама как социально-психологический механизм функционирования виктимотипа социального актора предполагает психологический механизм функционально-игровой бинарности идентичности социального актора. А точнее, драматическая игра по своей природе определяет существование у социального актора одновременно двух идентичностей – субъектно-функциональной и функционально-ролевой. Они связаны между собой, с одной стороны, психологическим механизмом контроля над драматическим действием – субъектной регуляцией, а с другой – психологическим механизмом саморегуляции психическими процессами и психологическими состояниями социального актора как субъекта драматического действия. Действия, которое субъективно переживается как в процессе – конструктивно-драматическое переживание, – так и после выполнения драматического действия – реконструктивно-драматическое переживание. Оба этих переживания формируют в системе самосознания впечатление аффективно-когнитивного комплекса самосознания, фиксирующего субъективное отношение социального актора к драматическому действию и выражающего ценностно-смысловое отношение. Что придает этому переживанию функции механизма развития и функционирования. Три связанных между собой переживания определяют суть экзистенциальной драмы социальной онтологии социального актора. Драма, которая под воздействием *виктимодиспозиционной регуляции*, реализующая в действии виктимность социального актора (децидивная виктимность), стала объектом экзистенциально-драматической социально-психологической виктимологии – виктимодрама-экзистенция.

Экзистенциально-драматическая социально-психологическая виктимология как третья часть социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского представляет социально-психологический механизм социально-ролевой ревиктимизации личности как жертвы дисфункциональных компетентностей в критических ситуациях социального функционирования и формирует социально-психологическое понимание социально-психологического виктимотипа социального актора – «*виктиман*» [3]. Социально-ролевое функционирование виктимана является действием – триггером нового уровня ревиктимизации – *драматической ревиктимизации*. Это область клинической социально-психологической виктимологии, которая закладывает основы для обоснования социально-психологической феноменологии субъектной патологической триады клинических социопсихотипов жертв онтогенетической виктимизации и экзистенциально-драматической виктимизации: *драмапат*, *виктимопат*, *социопат* [4].

Каждый из трех социопсихотипов имеет свой социально-психологический и психологический механизмы развития. И каждый из этих трех типов имеет переходные состояния, связывающие между собой экзистенциально-

драматическую виктимологию личности с клинической виктимологией личности [5]. К таким переходным состояниям относятся: социопатия, драматизм, виктимопатия. Наиболее актуальным, в связи с внедрением в практику разработанного мной метода виктимодрама-терапии и становления драматерапии виктимности как социально-психологической практики девиктимизации социально-психологического виктимотипа социального актора, является характеристика драматизма как проблемы виктимодрама-терапии виктимности [6].

Драматизм – клиничко-виктимологическая характеристика психологического состояния личности как жертвы функциональной виктимности (экзистенциально-драматической виктимности), главными чертами которой являются виктимощерц – боль жертвы – и виктимосафферинг – страдание жертвы от виктимогенной боли, блокирующей разрешение внутриличностного конфликта между личной беспомощностью, как следствия дефицита, дефекта, деформации культурно-генетических компетентностей, и стремлением к самодетерминации как способу жизнедеятельности, и формированием межличностной зависимости на фоне прогрессирующей фрустрации идентичности.

Драматизм как устойчивое психологическое состояние личности аккумулирует триаду деструктивных эмоционально-психологических состояний – драматизмов, возникающих у личности под воздействием на нее функционально-психологической, социально-функциональной и субъектной виктимности.

Триада драматизмов – это личностный драматизм, социально-психологический драматизм личности, социальный драматизм личности.

Личностный драматизм – это состояние острого внутриличностного конфликта, блокирующего идентификацию личности в критических ситуациях социального функционирования, возникших из-за наличия дефицита культурно-генетических компетентностей (или их дефекта, или их деформации), а именно – социальной, эмоциональной и когнитивной компетентностей.

Социально-психологический драматизм личности – это состояние острого межличностного конфликта, в результате которого становится невозможной социально-психологическая адаптация личности из-за дефицита социально-психологической компетентности и дефицита психологической компетентности (или дефекта, или деформации этих компетентностей).

Социальный драматизм личности – это состояние острого социально-личностного конфликта, проявляющегося в невозможности реализации субъектной регуляции в силу дефицита волевой компетентности (или дефекта, или деформации этой компетентности) и дефицита ментализации.

Динамика аккумуляции драматизмов личности ведет к усилению остроты боли и снижению переживания, вплоть до полного исчезновения, как ментальной деятельности по устранению конфликта и полному параличу ментализации.

Ментализация – это социально-когнитивная способность и эмоциональная восприимчивость как проявление эмоциональной компетентности и когнитивная способность, как результат развития когнитивной компетент-

ности, характеризующие субъектную способность представлять психическое состояние самого себя и других людей. Это форма социального познания, позволяющая воспринимать и интерпретировать человеческое поведение как детерминированное внутренними интенциями: потребностями, целями, желаниями, чувствами, представлениями.

Ментализация выполняет функцию межличностной интерпретации [1] критических ситуаций социального функционирования личности. Паралич ментализации блокирует субъектную регуляцию психических процессов, процессов межличностной коммуникации и социальной коммуникации личности. Он возникает из-за интенсивного потока деструктивных эмоций, которые являются атрибутивными для состояния драматизма конкретного типа.

Основу каждого из трех типов драматизма составляют отраженные в сознании четыре типа критических жизненных ситуаций: конфликт, кризис, фрустрация, стресс, которые возникают из-за невозможности удовлетворения жизненно необходимых потребностей, дефицита культурно-генетических компетентностей или их дефекта, или деформации. Соответственно, реально существуют три группы драматизмов, дифференцирующих 12 типов драматизма личности.

1. Группа «Личностный драматизм» основывается на внутриличностном конфликте, внутриличностном кризисе, эмоциональном стрессе, фрустрации базовых психологических потребностей.

2. Группа «Социально-психологический драматизм личности» формируется на межличностном конфликте, кризисе межличностных отношений, коммуникативном стрессе, фрустрации межличностных потребностей.

3. Группа «Социальный драматизм личности» формируется на психосоциальном конфликте, психосоциальном кризисе, психосоциальном стрессе, фрустрации потребностей самодетерминации личности.

Три группы драматизма личности представлены четырьмя типами драматизма:

- 1) конфликт – драматизм;
- 2) стресс – драматизм;
- 3) кризис – драматизм;
- 4) фрустрация – драматизм.

Общий список драматизмов личности, которые аккумулируются, образуют психическое новообразование личности – виктимогенную драматизию, – выглядит следующим образом:

1. Группа личностных драматизмов:

- внутриличностный конфликт – драматизм;
- внутриличностный кризис – драматизм;
- эмоциональный стресс – драматизм;
- фрустрация – драматизм базовых психологических потребностей.

2. Группа социально-психологических драматизмов личности:

- конфликт – драматизм межличностных отношений;
- кризис – драматизм межличностных отношений;

- коммуникативный стресс – драматизм;
- фрустрация – драматизм межличностных потребностей.

3. Группа социальных драматизмов личности:

- психосоциальный конфликт – драматизм;
- психосоциальный кризис – драматизм;
- психосоциальный стресс – драматизм;
- фрустрация – драматизм потребностей самодетерминации.

Все 12 типов драматизма личности объединяются общими признаками. Главный среди них – это *невозможность преодолеть функциональную беспомощность в преодолении драматизма личности* из-за дефицитов, дефектов и деформаций культурно-генетических компетентностей – социально-ролевых и психотехнических компетентностей. Вторым признаком является боль жертвы (виктимощмерц), формирующаяся ввиду осознания своей дисфункциональности из-за дефицитов, дефектов и деформаций культурно-генетических компетентностей. А третьим общим признаком драматизма личности стало страдание жертвы функциональной невозможности (виктимосафферинг), блокирующее переживание – деятельность, необходимая для получения программы обретения возможности выхода из драматизма. И четвертым признаком является *виктимификация* – идентификация себя жертвой, которая порождает отказ от действенной активности и обращение к эмоциям, усиливающим состояние виктимощмерца и трансформирующим виктимосафферинг в механизм деформации личности, в результате которой происходит образование драмасоциотипов личности и запускается механизм развития драматических типов виктимопатии.

Виктимодрамапатия характеризует крайнюю клинико-социологическую форму субъектной виктимности и входит в проблемное поле четвертой части социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского – *клинической социально-психологической виктимологии личности*, – интегрирующей теорию межличностной патологии развития и социатрию как систему методов культурно-генетической дидактики (драма-дидактики превенции виктимности), культурно-генетического анализа дисфункциональных действий (драма-анализа виктимности), культурно-генетической терапии драматическим действием (драматерапии виктимности).

Таким образом, виктимодрамапатия личности социального актора закономерно обосновывается как проблема виктимодрама-терапии виктимности и становится терапевтической ее мишенью как инновационного терапевтического метода девиктимизации личности социального актора.

Виктимодрама-терапии виктимогенной драмапатии личности социального актора – это актуальная для клинической социально-психологической виктимологии проблема и ее дальнейшая феноменологическая и терапевтическая разработка имеет перспективу включения в изучение роли и функции в ее становлении токсичной фрустрации базовых эмоциональных, психосоциальных и межличностных потребностей.

Список источников

1. Руденская Ю. Е., Руденский Е. В. Виктимодиагностика. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2015. – 213 с.
2. Руденский Е. В. Психология ненормативного развития личности: введение в психологическую теорию дефицитного развития личности. – М.: Юрайт, 2019. – 177 с.
3. Руденский Е. В. Психология отклоняющегося развития. – М.: Юрайт, 2019. – 392 с.
4. Руденский Е. В. Социальная патология. – М.: Юрайт, 2019. – 199 с.
5. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Дефект социализации личности как базовая категория педагогики критического конструктивизма: введение в социально-генетическую виктимологию. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012. – 252 с.
6. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Терапевтическая виктимодиагностика личностной деформации подростка: диагностика личной виктимности. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. – 230 с.

Информация об авторе

Евгений Владимирович Руденский, почетный академик международной академии образования, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор социальной психологии и клинической социологии, клинический социолог, клинический психолог, клинический социальный психолог-виктимолог, виктимодрама-социатр, виктимодрама-терапевт, действительный член академии педагогических и социальных наук, действительный член международной академии педагогических наук, действительный член международной академии социальной работы, действительный член международной академии социального прогнозирования, действительный член международной академии психологических наук, член-корреспондент международной академии наук высшей школы, президент – научный руководитель научно-исследовательской ассоциации «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», Новосибирск, rudenskiy@rambler.ru

Поступила: 11.02.2026

Одобрена после рецензирования: 14.04.2026

Принята к публикации: 25.05.2026

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Клиническая виктимология

(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 2

Научная статья

УДК 316.6+159.923

Теория габитуса Пьера Бурдьё как парадигма клинико-социологической методологии социально- психологической виктимологии Е. В. Руденского

С. В. Илларионов^{1, 2, 3}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

³ Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири», Новосибирск

Аннотация. В статье рассматривается потенциал теории габитуса Пьера Бурдьё в контексте развития клинико-социологической методологии социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского. Обосновывается необходимость переосмысления феномена виктимности через призму социологической социальной психологии. Автор выдвигает и раскрывает концептуальное положение о виктимности как о культурно-генетическом габитусе, формирующемся в результате инкорпорации неблагоприятного детского опыта. В работе анализируется механизм превращения этого опыта в устойчивую систему диспозиций и сценариев, структурирующих восприятие, оценку и поведение индивида. Уделяется внимание разграничению процессов инкорпорации и сознательной интериоризации, а также описанию культурно-реляционной виктимизации в социально-психологическом пространстве личности.

Ключевые слова: виктимность; габитус; инкорпорация; интериоризация; клинико-социологическая методология; социально-психологическая виктимология

Для цитирования: Илларионов С. В. Теория габитуса Пьера Бурдьё как парадигма клинико-социологической методологии социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 2. – С. 13–18.

Методологическим основанием социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского является клинико-социологическая методология, обосновывающая понимание виктимологического детерминизма социальных патологий личности и формирующая ее социально-терапевтическую направленность [5].

Социально-психологическая виктимология личности Е. В. Руденского интегрирует систему социально-психологического знания об интерактивном виктимогенезе личности [6] и раскрывает его культурно-реляционную природу. В этом оригинальность теоретической концепции и в этом заключается ее существенное отличие от других теорий, даже если они называются психологическими или социально-психологическими. Другой существенной чертой социально-психологической виктимологии является ее развитие в концептуальной основе социологической социальной психологии, которая не имеет широкого распространения и понимания среди психологов в нашей стране. Этим определяется и то, что в методологической системе социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского ведущая роль отводится клинικο-социологической методологии.

Рассматривая явление виктимности на базе клинικο-социологического подхода, необходимо учитывать, что клинικο-социологическая методология требует социологического понятийного аппарата, потому что речь идет о концептуальной системе социологической социальной психологии.

Клинικο-социологическая методология занимает ведущее место, потому что в основание социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского положена социологическая социальная психология, которая на первое место ставит влияние социума на психику, а не наоборот. В европейских странах социологическая социальная психология называется психосоциология, в ряде стран психотехникой, что ближе к Л. С. Выготскому, которого считают за рубежом представителем ментального конструктивизма, как и Ж. Пиаже.

Единой методологии социально-психологической виктимологии не существует, но есть методологическая система. Которая понимается нами как система пяти методологий, согласно пяти разделам социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского: феноменологическая социально-психологическая виктимология, генетическая социально-психологическая виктимология, экзистенциально-драматическая социально-психологическая виктимология, клиническая социально-психологическая виктимология, терапевтическая социально-психологическая виктимология. Это отражает полипарадигмальность социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского и множественность теоретико-концептуальных подходов. На сегодняшний день большинство исследований НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» реализуется в клинικο-социологическом подходе. Для этого нами используются работы французского психолога, социолога Пьера Бурдьё, в частности его работа «Клиническая социология поля науки» [1]. П. Бурдьё стремился демистифицировать науку, показывая, что она подчиняется социальным законам, и призывал к рефлексивной социологии, осознающей свои собственные социальные детерминанты и, прежде всего, культурного развития личности. Выражением этого является теория габитуса П. Бурдьё.

Габитус – центральная категория в работе П. Бурдьё «Клиническая социология поля науки», объясняющая, как социальные структуры «ожива-

ют» в действиях конкретного человека. Габитус – это система устойчивых и переносимых диспозиций. Это то, что объединяет историю общества и личную историю человека. Формула работы габитуса строится на двойственности «структурированная структура – структурирующая структура».

Структурированная структура (пассивная сторона): габитус впитывает условия жизни (семья, школа, статус).

Структурирующая структура (активная сторона): габитус порождает конкретные практики (выбор тем, стиль полемики и др.). Он действует до рефлексии, как автоматическая система принятия решений.

Главный парадокс габитуса (и всей социологии П. Бурдьё) заключается в том, что он обеспечивает свободу в рамках необходимости. Мы не являемся механическими марионетками структуры, но и не свободны от нее полностью. Габитус – это «чутье», которое направляет нас, не давая ощущения следования жестким правилам [1].

Современное развитие психологической науки требует переосмысления традиционных моделей исследования, расширения теоретико-методологического аппарата. Одной из наиболее актуальных концептуальных рамок здесь выступает теория габитуса, которая предлагает новый взгляд на природу виктимности и механизм ее формирования.

Е. В. Руденский на своих ментальных тренингах методологического мышления социального психолога-виктимолога предложил рассматривать виктимность как габитус. Это понятие существует не только в психологии, но и в социологии, медицине, культурологии, но у Е. В. Руденского свой, оригинальный, психосоциальный подход, который он реализует в исследовании культурно-реляционной виктимности как социально-культурного габитуса в субъектно-регуляционной системе самосознания. В рамках данного подхода особое значение приобретает представление виктимности как культурной формы проявления габитуса – устойчивого набора установок и моделей поведения, приобретенных человеком вследствие специфических условий социализации, в частности неблагоприятного детского опыта. Согласно концепции Пьера Бурдьё, габитус представляет собой совокупность усвоенных индивидом схем восприятия, понимания, оценки и действия, сформированных на основании предыдущего жизненного опыта.

Виктимность как габитус сформировалась на почве неблагоприятного детского опыта (есть соответствующий инструментарий для исследования, который рекомендован ВОЗ). Габитус характеризуется тем, что неблагоприятный детский опыт инкорпорируется в структуры сознания человека без критического и рефлексивного познания.

Инкорпорация – буквально встраивание в структуру тела, становление принадлежностью человека помимо его воли. В психологии и философии (особенно в психоанализе) это понятие описывает примитивный механизм, при котором субъект фантазийно или символически вводит какой-либо объект или его часть вовнутрь своего тела. Это самая ранняя форма идентификации, т. е. благодаря габитусу человек проводит свою идентификацию.

В отличие от инкорпорации, интериоризация, предлагаемая Е. В. Руденским, идет через конструирование – сознательное, через рефлекссию, через размышление встраивание конструкции в сознание. Интериоризация – внедрение в сознание человека какой-то функции.

И тогда получается, что виктимность предстает как система диспозиций, согласно диспозиционной теории Г. Олпорта и теории диспозиционной регуляции В. Ядова. Г. Олпорт рассматривает диспозиции как индивидуальные психологические черты, а В. Ядов – как иерархическую систему социальных установок, регулирующих поведение [4; 7]. Виктимность с точки зрения клинико-социологической методологии это не психологическое новообразование, а инкорпорированный в сознание определенный неблагоприятный детский опыт, который существует в виде диспозиций, структурирующих наше восприятие, оценку, понимание, принятие решений и т. д.

Основываясь на доказательной практике, Е. В. Руденский пришел к выводу, что культурно-реляционная виктимность – это виктимность, полученная в процессе отношений, где благодаря культуре действия конкретного человека значимый другой образует социально-психологическое пространство личности. Согласно концепции, разработанной А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко из Института психологии РАН, социально-психологическое пространство – это не физическая территория, а субъективная система отношений личности к значимым объектам окружающего мира (людям, группам, нормам, ценностям) [2]. В этом социально-психологическом пространстве происходит культурно-реляционная виктимизация как форма психологического и социального давления, при которой человек постепенно превращается в жертву не через прямое физическое или открытое словесное насилие, а посредством скрытых манипуляций, нарушения личных границ, игнорирования или обесценивания его мнения. В данном случае культура понимается в интерпретации Л. Н. Когана, где культура – это способ деятельности человека, способ обращения, например, жестокого. Л. Н. Коган рассматривал культуру именно как специфический способ человеческой деятельности. Это не просто набор достижений, а живой, непрерывный процесс. Такое понимание является основой его деятельностного подхода, который в корне отличается от взгляда на культуру как на пассивное хранилище ценностей. Его ключевая идея о том, что культура носит человекотворческий характер – это означает, что человек является не пассивным объектом воздействия культуры, а активным субъектом, который своей деятельностью создает культуру и одновременно формирует самого себя [3].

Если определять виктимность как габитус, то он представляет собой систему, структурированную в форме сценария, организующего наше восприятие. Габитус сам по себе никогда не уходит. Многие французские научные деятели говорят, что габитус перестроить невозможно.

Виктимность – это культурный габитус, который представлен как система диспозиций, отображенных в сознании в виде сценариев (в сценарии есть ситуация, роли, алгоритм поведения), которые управляют восприятием,

оценкой, пониманием, по сути, всем механизмом переживания. Габитузация встраивается (вдавливается) под давлением (минуя сознание человека) как определенная система через литературу, игры, отношения. Мы выделяем культурно-виктимный габитус, когда все установки направлены на сохранение неблагоприятного детского опыта.

Неблагоприятный опыт существует всю жизнь, пока есть виктимность. Особенность виктимности состоит в том, что она разрастается, никогда не уменьшается. Негативный детский опыт обрастает негативным опытом социального функционирования, негативным опытом отношений, и невмешательство психолога приводит к обреченности человека. Без воздействия специалиста со стороны опыт будет расти, будет надето несколько социально-психологических масок, что приведет к виктимопатии, затем к расстройствам из области психиатрии.

Уточнение принципов клинико-социологической методологии происходит за счет уточнения ее тезауруса. Мы понимаем виктимность как культурно-генетический габитус, инкорпорированный (вращенный) в сознание человека в виде устойчивой системы диспозиций, оформленных в виде сценариев (представляющий собой единство ситуаций, событий, ролей и алгоритмов действия), на основе которых выстраивается восприятие, оценка, принятие решений.

Концепция габитуса, отражающая совокупность устойчивых диспозиций, позволяет глубже исследовать контексты, в которых происходит виктимизация, что актуально для клинико-социологической методологии, разработанной Е. В. Руденским. Недостаточность использования этой теории для объяснения социальных и психологических процессов, связанных с виктимизацией, требует более детального анализа и интеграции теоретических подходов в практическую плоскость.

Список источников

1. Бурдые П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые. – М.; СПб: Институт экспериментальной социологии: Алтея, 2001. – 288 с.
2. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. – М.: Изд-во ИП РАН, 2012. – 362 с.
3. Коган Л. Н. Теория культуры: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. – 160 с.
4. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды / пер. с англ. Л. В. Трубицыной, Д. А. Леонтьева; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
5. Руденский Е. В. Клинико-социологическая методология социально-психологической виктимологии личности: феноменология, морфология и основные методы: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012. – 132 с.
6. Руденский Е. В. Социально-психологическая виктимология личности как системно-интегрированная теория интерактивного виктимогенеза личности // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6 (37). – С. 195–198.
7. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Социальная психология: хрестоматия / сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 416–432.

Информация об авторе

Сергей Викторович Илларионов, магистр психологии, магистр психолого-педагогического образования, Новосибирский государственный педагогический университет; старший научный сотрудник, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского; психолог, Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири», Новосибирск

Поступила: 09.02.2026

Одобрена после рецензирования: 17.04.2026

Принята к публикации: 25.05.2026

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 2

Научная статья
УДК 159.95+159.97+316.6

Влияние когнитивных искажений клиента на процесс психологического консультирования

Д. П. Скорова^{1, 2, 3, 4}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

³ Центр «Родник», Новосибирск

⁴ Служба экстренного психологического консультирования по телефону доверия, Новосибирск

Аннотация. В статье на основе изучения теоретического материала (в рамках трех подходов: когнитивно-поведенческий подход А. Бека, рационально-эмотивно-поведенческий подход А. Эллиса, социально-психологическая виктимология личности Е. В. Руденского) и разбора практического кейса исследуются когнитивные искажения – когнитивные ошибки и иррациональные установки, а также степень их влияния на консультативный процесс.

Ключевые слова: дефицит; дисфункциональные убеждения; иррациональные установки; когнитивные искажения; мышление; психологическое консультирование; социальное функционирование; субъектная виктимность

Для цитирования: Скорова Д. П. Влияние когнитивных искажений клиента на процесс психологического консультирования // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 2. – С. 19–27.

По данным последних исследований интерес к сфере психологической помощи в России заметно вырос. Так, в 2025 году россияне обращались к психологам за поддержкой на 49,7 % чаще, чем в 2024 году [3]. Один из наиболее популярных видов психологической помощи – психологическое консультирование. Это процесс решения личных проблем индивида в его совместной работе с психологом [2]. Н. Д. Линде в одной из своих работ размышляет о том, что консультирование предполагает в основном рациональную работу с сознательным и заинтересованным клиентом. На наш взгляд, размышление Николая Дмитриевича отражает эталон «идеального клиента», поскольку «сознательность» предполагает умение правильно понимать и оценивать окружающий мир, а «заинтересованность» приобретает вид некой устойчивой

черты, характеризующей повышенное внимание и интерес к работе над самим собой. В таком случае действительно возможна активация рационального (т. е. разумного, осмысленного) компонента работы клиента с психологом.

Однако нередки случаи (а мы уточним, что их большинство), когда за помощью психолога обращаются люди, не обладающие перечисленными выше качествами. Само существование некоторых таких людей, их восприятие, понимание и оценка окружающего мира и его явлений ввиду влияния различных факторов приобретает иррациональный, искаженный и дезадаптивный характер. Подобного рода трансформации находят отражение в формировании и развитии когнитивных искажений, дисфункциональных убеждений и иррациональных установок. Это, в свою очередь, способствует развитию негативной динамики в процессе оказания специалистом психологической помощи клиенту. Исходя из этого, целью нашего исследования является изучение когнитивных искажений у людей, обратившихся за психологической помощью и влияния искажений на процесс психологического консультирования.

Когнитивные искажения являются частью процесса мышления. Мышление – опосредованное и обобщенное познание объективной реальности. Мы обращаем внимание на слово «объективная», поскольку искажения делают реальность субъективной. Процесс мышления можно представить в виде разнообразных когнитивных схем, которые систематизируют, упорядочивают поступающую информацию извне и способствуют ее осмыслению. Несмотря на природную гибкость и адаптивность, когнитивные схемы могут приобретать искаженный и дезадаптивный характер.

Когнитивные искажения – это систематические ошибки в мышлении или шаблонные отклонения, которые формируются и возникают на основе дисфункциональных убеждений (внедренных в когнитивные схемы). Когнитивные искажения проявляются при обработке и интерпретации человеком явлений окружающего мира и оказывают негативное влияние на оценку, восприятие, мысли, эмоции и поведение.

Как можно заметить, основу искаженной когнитивной схемы представляет дисфункциональное, глубинное убеждение. Такие убеждения отражают представления человека о себе, окружающих, внешнем мире. Часто они не осознаваемы, обобщены и имеют негативный характер. Важно отметить, что, формируя искаженную когнитивную схему, деформируя мыслительный процесс, дисфункциональное глубинное убеждение постоянно активизируется и подкрепляется человеком, что в значительной степени влияет на мысли, поведение, эмоции.

Изучая дисфункциональные убеждения, А. Бек (основатель когнитивно-поведенческого подхода) и Дж. Бек выделили 3 основные категории: беспомощность, непринятие, никчемность. Поскольку глубинные, дисфункциональные убеждения формируются под влиянием системы отношений «ребенок – значимый взрослый», пережитый травмирующий опыт отношений формирует негативные убеждения [1]. Приведем пример, чтобы наглядно продемонстрировать процесс искаженного мышления и влияние дисфунк-

циональных убеждений на состояние клиента в процессе психологического консультирования.

1. *Глубинное убеждение*: клиент имеет убеждение, относящееся к категории никчемности.

2. *Ситуация*: в процессе консультирования, пытаясь добиться признания специалиста, клиент пытается вызвать реакцию восхищения.

3. *Активация глубинного убеждения*: отсутствие конкретной желаемой реакции активизирует убеждение клиента в собственной никчемности.

4. *Когнитивное искажение*: у клиента появляется субъективная, искаженная мысль, не соответствующая действительности: «Психолог не хочет со мной работать. Я никому не нужен. Я с этим не справлюсь».

5. *Эмоция*: страх, тревога, отчаяние, злость.

6. *Поведение*: прерывание процесса консультирования, избегание специалиста.

Таким образом, мы можем изобразить последовательную цепочку процесса искаженного мышления в рамках данного примера: *искаженное восприятие ситуации* → *подкрепление глубинного негативного убеждения* → *усиление когнитивного искажения* → *фиксация дисфункционального мышления*.

Помимо дисфункциональных глубинных убеждений в систему когнитивных искажений могут быть включены иррациональные установки – в контексте рационально-эмотивно-поведенческого подхода, это жесткие, нелогичные требования к себе, окружающим, миру, формирование которых происходит в рамках социальных отношений. Основа иррациональных установок – абсолютизация, требования, долженствования. Это искажает оценку реальности (внешней и внутренней), усиливая болезненные эмоции, что приводит со временем к дезадаптации.

А. Эллис выделил 3 основных типа иррациональных установок: требования к себе («Я должен...»), требования к окружающим («Вы должны...»), требования к миру («Условия должны...»). Позже, на основе теории РЭПТ, была разработана методика диагностики иррациональных установок, куда вошли дополнительные иррациональные установки: катастрофизация («Все ужасно»), низкая толерантность к фрустрации («Я не смогу этого вынести»), оценочная установка («Я/ты/мир плохой»). Обратимся к уже знакомому примеру [7].

1. *Глубинное убеждение*: клиент имеет убеждение, относящееся к категории никчемности.

2. *Иррациональная установка*: «Я должен заслужить особое отношение, иначе я буду никчемным».

3. *Ситуация*: в процессе консультирования, пытаясь добиться признания специалиста, клиент пытается вызвать реакцию восхищения.

4. *Активация глубинного убеждения и иррациональной установки*: отсутствие конкретной желаемой реакции активизирует убеждение и установку клиента в собственной никчемности.

5. *Когнитивное искажение*: у клиента появляется субъективная, искаженная мысль, не соответствующая действительности: «Психолог не хочет со мной работать. Я никому не нужен. Я с этим не справлюсь».

6. *Эмоция*: страх, тревога, отчаяние, злость.

7. *Поведение*: прерывание процесса консультирования, избегание специалиста.

Представим последовательную цепочку процесса искаженного мышления в рамках данного примера: *искаженное восприятие ситуации → подкрепление глубинного негативного убеждения через активацию иррационального убеждения → усиление когнитивного искажения → фиксация дисфункционального мышления.*

Исследуя проблему влияния когнитивных искажений на основе парадигмы социально-психологической виктимологии личности, мы обращаем внимание на то, что термины «дисфункциональные убеждения» или «иррациональные установки» вынесены за рамки узконаправленного изучения. На наш взгляд, Е. В. Руденский рассматривает когнитивные искажения в контексте исследования уязвимости (виктимности) социального функционирования личности, которое под влиянием интеракционного дефекта (результат социализационной и культурной депривации личности в онтогенезе) приобретает вид патологии, в основе которой лежат дефициты, дефекты и деформации социально-функциональных компетентностей личности [5].

Проблема социального функционирования описывает патологию культурного социогенеза компетентности личности, в результате которой развиваются два социально-психологических синдрома: синдром социализационного дефекта онтогенеза личности и синдром дефекта культурного социогенеза личности.

В большей степени нас интересует синдром социализационного дефекта онтогенеза личности, поскольку он характеризует личность, развитие которой осуществлялось ненормативно, в результате чего сформировалась субъектная виктимность [4]. Субъектная виктимность – функциональная невозможность выполнять социальные действия в системе социальных отношений и социального взаимодействия, что также сопровождается переживанием беспомощности, уязвимости и попыткой замаскировать эту уязвимость.

Социализационный дефект онтогенеза личности, как маркер субъектной виктимности описывает следующую систему дефицитов:

1. Дефицит социально-генетической нормативности.
2. Дефицит социально-культурной нормативности.
3. Дефицит социально-функциональной нормативности.
4. Дефицит социально-субъектной нормативности.
5. Дефицит нормативности социальной адекватности.

Мы обращаем внимание на описанную выше систему дефицитов, поскольку концептуально она описывает проблему когнитивных искажений и их влияния на процесс консультирования. Так, например, дефицит социально-культурной нормативности можно представить в виде дефицита когнитивной сферы – недостаточно сформированный или недостаточно развитый уровень интеллектуальной системы и способностей личности. Под интеллектуальной системой мы понимаем сложную структуру, обеспечивающую возможность

исследовать внешний и внутренний (личностный) мир, адаптироваться к его изменениям. Эта система включает в себя также комплекс познавательных процессов, знаний и навыков. Говоря о познавательных процессах, в первую очередь, мы имеем ввиду мышление. При наличии субъектной виктимности и дефицитов когнитивной сферы в процессе реализации функции мышления будут возникать систематические и автоматические ошибки (т. е. когнитивные искажения), которые исключают рациональное и объективное восприятие поступающей информации. Так, например, находясь под влиянием установки «я никчемный», деформированное восприятие клиента болезненно и методично фиксирует любые действия и слова специалиста, после чего активизируется дисфункциональный процесс мышления – обработка поступившей информации посредством стимуляции мыслительных операций, что может усиливать ложное заблуждение о никчемности.

Представим последовательную цепочку процесса искаженного восприятия и мышления под влиянием субъектной виктимности в рамках данного примера.

Патология межличностных отношений → патология культурного социогенеза компетентности личности → формирование субъектной виктимности → нарушение социального функционирования → искаженное восприятие и мышление в контексте определенной ситуации → проявление когнитивных искажений → усиление виктимности → фиксация дисфункционального мышления и восприятия.

Также мы выделяем дефицит нормативности социальной адекватности. Социальная адекватность отражает уровень соответствия интересов и потребностей индивида устоявшимся социальным нормам, правилам, ожиданиям окружающих. Социальная адекватность – маркер адаптивности индивида в социуме. В концепции отечественного культуролога А. Я. Флиера отражены ключевые характеристики социальной адекватности, обозначающие адекватное социальное функционирование: культурная отрегулированность, регуляция образа жизни, многофункциональная сфера влияния [6]. При выраженной субъектной виктимности социальное функционирование становится дезадаптивным, что проявляется в дефицитах сознания и социального поведения. Индивид в таком случае не может сопоставить себя с актуальной социальной ситуацией. Нарушается восприятие и мышление (когнитивное искажение), что приводит к дисфункциональному, искаженному социальному функционированию. Так, например, у клиента могут отсутствовать или быть недостаточно сформированными социально-когнитивные навыки – восприятие, обработка и интерпретация поведения, намерений, систем отношений, эмоций окружающих и своих собственных.

Таким образом, на основе теоретического анализа трех разных подходов, мы можем сделать вывод о том, что термин «когнитивные искажения» описывает систематические ошибки мышления, проявляющиеся под влиянием дисфункциональных убеждений (КПТ), иррациональных установок (РЭПТ), а также субъектной виктимности (социально-психологическая виктимология).

Стоит отметить, что несмотря на единую смыслообразующую составляющую, мы разделяем эти понятия.

Дисфункциональные убеждения – негативные и неосознаваемые мысли, а иррациональные установки – негативные, осознаваемые мысли, включающие в себя аспект долженствования.

Исходя из цели исследования – изучение когнитивных искажений у людей, обратившихся за психологической помощью, и влияния искажений на процесс психологического консультирования, приведем анализ практического кейса. Соблюдая правила конфиденциальности и безопасности, информация, содержащая личные данные, с согласия респондента была изменена.

Основная информация. Респондент № 1: 22 года, пол мужской, семья неполная, старший ребенок в семье (есть младшая сестра-подросток), работает. Цель обращения к психологу: сложности в выстраивании и сохранении межличностных взаимоотношений, сопровождающиеся переживанием негативных состояний.

Результаты исследования когнитивных искажений представлены следующими методиками:

1. Опросник когнитивных ошибок CMQ – предназначен для обнаружения ошибок суждений, связанных с неправильной интерпретацией смысловых контекстов. Результаты диагностики респондента представлены на рисунке 1.

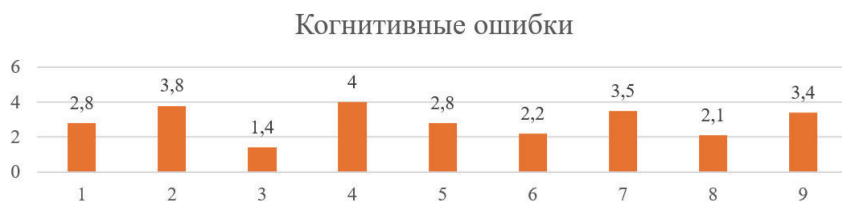

Рис. 1. 1 – персонализация; 2 – чтение мыслей; 3 – упрямство; 4 – морализация; 5 – катастрофизация; 6 – выученная беспомощность; 7 – максимализм; 8 – преувеличение опасности; 9 – гипернормативность

2. Методика диагностики иррациональных установок SPB – позволяет выявить иррациональные установки. Результаты диагностики респондента представлены на рисунке 2.

Рис. 2. 1 – катастрофизация; 2 – долженствование в отношении себя; 3 – долженствование в отношении других; 4 – фрустрационная толерантность; 5 – оценочная установка

Анализируя полученные данные, мы можем сделать следующие выводы. Наиболее выраженные когнитивные ошибки: морализация, гипернормативность, максимализм, чтение мыслей. Это характеризует респондента как

человека, постоянно стремящегося к совершенству (перфекционизм, дефицитарный нарциссизм). Это проявляется в установлении жестких стандартов и требований, в большей степени – в контексте самого себя, стремлении непреклонно следовать социальным нормам и правилам. Исходя из этого формируются непоколебимые, дихотомические моральные стандарты, через призму которых оцениваются поступки, события и иные действия (собственные и окружающих). Любое отклонение от привычной картины мира, находящейся под влиянием когнитивных искажений, вызывает дискомфорт и болезненные реакции: внутреннее напряжение, тревога, чувство стыда и вины, недовольство, ощущение никчемности и неполноценности, злость.

Невозможность поддерживать «совершенный образ» и чувство фрустрации на постоянной основе активирует у респондента такие когнитивные ошибки, как катастрофизация и персонализация. Это выражается в негативных персонализированных мыслях «Это случилось из-за меня... я ужасный человек» и чрезмерной катастрофизации, невозможности переживать негативные эмоции.

С точки зрения виктимологической парадигмы переживание подобного состояния обозначается феноменом социально-психологической драмы, что описывает конфликт ментального и социального, приводящего к невозможности выражения и реализации социально-психологических потребностей. Это формирует и усиливает состояние фрустрации. Болезненные ощущения и эмоциональные состояния блокируют возможный рост и развитие, приводя личность к стагнации, а затем к формированию личностной деформации, предшествуя состоянию деградации.

Результаты, полученные в ходе исследования иррациональных установок, коррелируют с данными, полученными в ходе изучения когнитивных ошибок. У респондента выражены такие установки, как катастрофизация, долженствование в отношении себя и оценочная установка. Поскольку субъектная виктимность характеризует социальную дисфункциональность личности, это отражается не только на когнитивном, поведенческом и социальном уровне, но и на эмоциональном уровне. Убеждения и установки, являющиеся частью дисфункциональности личности клиента, часто сопряжены с болезненными эмоциональными состояниями и ощущениями. Это может выражаться в переживании состояния фрустрации – комплекс негативных эмоций, таких как гнев, разочарование, раздражение и т. д. (например, как ответная реакция на установку долженствования); формирование образа жертвы в контексте переживания чувства беспомощности (реакция на оценочную установку); хроническое состояние неудовлетворенности – эмоциональный дискомфорт, эмоциональная неустойчивость, высокая тревожность (такие реакции также характерны для катастрофизации). Таким образом, мы можем увидеть одну из возможных тенденций – замещение дисфункциональности личности клиента (на уровне нарушенного, затрудненного функционирования) критическим социальным функционированием. Когнитивные искажения в этом случае будут являться частью этого процесса.

Исходя из описания и краткого анализа полученных данных, можно сделать вывод о том, что выраженные когнитивные искажения в значительной степени искажают восприятие реальности, вызывают болезненные переживания и эмоции, а также способствуют проявлению деструктивного поведения, тем самым ухудшая качество жизни человека. Когнитивные искажения могут также оказывать негативное влияние на процесс консультирования, например, в осложнении формирования терапевтического альянса, проявлении сопротивления и искаженном восприятии проблемы.

1. Сложности в формировании терапевтического альянса. Терапевтический альянс – устойчивые и безопасные взаимоотношения между психологом и клиентом. В его основе – стабильная эмоциональная связь, согласованность целей и задач консультативного процесса. Сформированный терапевтический альянс является частью безопасного пространства для внутренних изменений клиента. Когнитивные искажения осложняют процесс формирования терапевтического альянса. Так, например, когнитивные ошибки «персонализация» и «чтение мыслей» побуждают респондента воспринимать специалиста как фигуру враждебную, небезопасную. На когнитивном уровне это выражается в таких мыслях, как «Я сделал что-то не то», «Психолог меня осуждает», «Специалист холоден ко мне», «Я раздражаю психолога». На эмоциональном уровне это вызывает напряжение, обиду, злость, вину. На поведенческом уровне это проявляется в чрезмерной настороженности, поиске элементов враждебности в поведении психолога, фиксации на словах специалиста, с целью поиска негативного смысла.

2. Проявление сопротивления. Сопротивление – осознаваемое или неосознаваемое противодействие клиента процессу психологического консультирования и личностным изменениям. Это механизм психологической защиты, проявляющийся при столкновении с болезненными переживаниями, страхами и дискомфортом. Несмотря на то, что это естественная и нормальная реакция психики, под влиянием когнитивных искажений она может приобретать патологический характер. Например, у респондента сформированы достаточно высокие ожидания в отношении себя, выраженный перфекционизм. Столкновение со своей «неидеальностью» и ошибками в процессе консультирования, на когнитивном уровне вызывает мысли по типу «Я должен быть совершенным – иначе я ничтожество», «Ошибки – это плохо». На эмоциональном уровне это выражается в переживании чувства отчаяния, тревоги, сомнениях. На поведенческом уровне это проявляется в опозданиях или пропусках встреч, саботировании домашней работы, пассивной позиции – молчание, отстраненность, избегание обсуждения конкретных тем.

3. Искаженное восприятие. Это субъективное, неверное интерпретирование внешних (иногда внутренних) событий. В этом случае мы говорим о том, что респондент воспринимает и интерпретирует проблемы через призму когнитивных искажений, т. е. реальная проблема может кардинально отличаться от описания и восприятия клиента: катастрофизация, максимализм, гипернормативность. На когнитивном уровне это выражается в мыслях «Все ужасно

и невыносимо», «Это катастрофа» или в дихотомических суждениях «хорошо – плохо». На эмоциональном уровне – внутренняя напряженность, беспокойство, фрустрированность. На поведенческом уровне – преувеличенные реакции, избегающее поведение, повышенная агрессия и иные виды защитного поведения.

Таким образом, на основе изучения теоретического материала, а также интерпретации и разбора практического кейса, мы можем сделать вывод о степени влияния когнитивных искажений на процесс психологического консультирования. Стоит отметить, что это влияние можно минимизировать, если ошибки мышления будут вовремя замечены, вынесены на обсуждение и заменены на более адаптивные и конструктивные. Например, в рамках работы в когнитивно-поведенческом, рационально-эмотивно-поведенческом или социально-виктимологическом подходах.

Список источников

1. Бек Дж. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям. – СПб.: Питер, 2022. – 416 с.
2. Линде Н. Д. Психологическое консультирование: теория и практика. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ, 2024. – 336 с.
3. Обращения к психологам ВСК выросли в полтора раза за год: тревога, отношения и подавленность в лидерах [Электронный ресурс] // Ведомости: сайт. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/02/04/obrascheniya-k-psiologam-vsk-virosli-v-poltora-raza-za-god-trevoga-otnosheniya-i-podavlennost-v-liderah (дата обращения: 17.04.26).
4. Руденский Е. В. Субъектная виктимность как культурная патология личности. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 136 с.
5. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Терапевтическая виктимодиагностика личностной деформации подростка: диагностика личной виктимности. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. – 230 с.
6. Флиер А. Я. Культурология для культурологов [Электронный ресурс]. – М.: Академический проект, 2000. – 844 с. – URL: https://yanko.lib.ru/books/cultur/flier-cult_f_cult.pdf-l.pdf (дата обращения: 18.04.26).
7. Эллис А., МакЛарен К. РЭПТ: рационально-эмотивная поведенческая терапия. Полный курс от Альберта Эллиса. – М.: МИФ, 2026. – 202 с.

Информация об авторе

Дарья Павловна Скорова, бакалавр психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; ассоциированный научный сотрудник, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского; педагог-психолог, Центр «Родник»; педагог-психолог, Служба экстренного психологического консультирования по телефону доверия, Новосибирск

Поступила: 05.02.2026

Одобрена после рецензирования: 09.04.2026

Принята к публикации: 25.05.2026

КЛИНИКО-ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕВИКТИМИЗАЦИИ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ

Клиническая виктимология
(клиническая социально-психологическая виктимология). 2026. № 2

Научная статья

УДК 316.6+159.922.8+159.97

Клинико-виктимологический анализ социально-психологических типов личности подростков-девиантов

О. О. Сальников^{1, 2, 3}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

² Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского, Новосибирск

³ Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири», Новосибирск

Аннотация. Деформационно-личностная динамика современного социально-психологического пространства культурного развития детей и подростков вводит в проблемное поле социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского генезис новой по своему содержанию социально-психологической категории подростков – подросток-девиант.

В рамках развития виктимодрама-концепции социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского феноменологический концепт «подросток-девиант» интерпретируется на основе порождающего концепта «виктимодрама-диспозиция» и раскрывается система механизмов, приводящих к возникновению социально-психологического виктимотипа – подросток-девиант.

В рамках разработки программы социальной реабилитации подростков-девиантов, было обнаружено, что их проблематика (а соответственно структура викtimo-диспозиции) имеет различия в зависимости от инкорпорированного культурного сценария развития. Таким образом, возникла задача классификации подростков-девиантов для дальнейшего конструирования терапевтических мишеней реабилитационной деятельности. В связи с чем, за основу взята диагностическая методика В. М. Миниярова по определению социально-психологических типов личности. Описывается сущность концепта «социально-психологический тип», выделяются социально-психологические типы личности подростков-девиантов, анализируются их ключевые отличительные особенности и конструируется понимание феноменологии концепта «подросток-девиант» как социально-психологического виктимотипа.

Ключевые слова: виктимизация; виктимность; виктимодрама; деформация личности; подросток-девиант; социальная реабилитация; социально-психологический тип личности

Для цитирования: Сальников О. О. Клинико-виктимологический анализ социально-психологических типов личности подростков-девиантов // Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология). – 2026. – № 2. – С. 28–34.

Как неоднократно отмечается в работах сотрудников НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского» динамика современного социально-психологического пространства культурного развития представляет собой кризисную трансформацию, усугубляемую активно ведущимися когнитивными, ментальными, консциентальными войнами, основная цель которых – деструктивное воздействие на самосознание человека, оно носит искажающий, деформирующий характер. Одной из наиболее уязвимых возрастных категорий такого влияния являются подростки.

Таким образом, имеет смысл вести речь о динамике деформации личности, с одной стороны, как об увеличении количества деструктивного социально-психологического давления и сложности возникающих критических ситуаций функционирования и, с другой стороны, как о дефицитном развитии психических функций, блокирующим развитие необходимых функциональных компетентностей для разрешения этих ситуаций. Интегрально эта деструктивно-генетическая динамика может быть описана концептом «дефицитная деформация личности».

Аналогичная концепция «дефицитарная деформация личности» встречается в ранних работах Е. В. Руденского, там она описывается следующим образом: «деформация личности – это искажение ее структуры под давлением фрустрации, которая и указывает на невозможность личности <...> разрешить актуальную для нее задачу социального функционирования» [8, с. 41].

Сформулированные и реализуемые мной идеи понимания «деструктивно-генетической динамики культурного развития» опираются на эту концепцию Е. В. Руденского напрямую, терминологическое различие с течением времени развития социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского было устранено – термин «дефицитарный» был впоследствии заменен на «дефицитный».

Таким образом в целом возможно описать понятие «деформация» как искажение под социально-психологическим давлением. Искажающий характер деформирующего воздействия на личность ведет к прямой связи концепции «деформация» с понятием «девиация». Так, в социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского существует соответствующая работа, описывающая механизмы отклоняющегося (девиантного) развития личности [10].

В тезаурусе социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского существует и специальный термин, активно популяризуемый в рамках ювенальной девиантологии Ю. А. Клейбергом, – «девиантная виктимность» [3; 5; 11]. Соответственно, подростков, являющихся жертвами дефицитной деформации личности, представляется возможным выделить в качестве отдельной категории «подросток-девиант».

В качестве аргументации того, что, несмотря на привычное наименование, встречающееся во множестве работ по девиантологии, оговоримся, что термин «категория» по отношению к концепту «подросток-девиант» выбран

нами не случайно. Это целенаправленная отсылка к культурно-генетической теории Л. С. Выготского, а конкретно – к общему генетическому закону культурного развития, в рамках которого его последователями понятие «категория» интерпретируется как «отношение». Такая интерпретация введена Н. Н. Вересовым [1; 2]. Таким образом, появление какой-либо категории – это результат воздействия на сознание того или иного типа отношений. Что позволяет встроить в систему нашего размышления о подростках-девиантах концепцию социально-психологического типа В. М. Миниярова, интерпретированную в концептуальном поле социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского.

Девиация социального поведения для подростка, являющегося жертвой дефицитарной деформации выступает социальным механизмом защиты – выбирая отклонение, подросток тем самым отказывается от необходимости демонстрировать свою самодетерминированность и целостность самосознания, ее и нет, поскольку она деформирована.

Отношения, которые лежат в основе деформации личности подростка как подростка-девианта, описываются Е. В. Руденским в концепте «межличностная патология отношений», она лежит в основе виктимодрама-генеза самосознания подростка, что является предметом генетической социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского [9].

Виктимодрама-концепция социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского является порождающей по отношению к депривационно-социализационной, а она, в свою очередь, порождающей по отношению к концепции культурного генеза [6; 7].

В целом виктимодрама понимается как социально-психологический механизм социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского в трех модальностях:

Механизм виктимизации – зарождения и развития эвентуальной виктимности (скрытой виктимности).

Механизм ревиктимизации – развития децидивной виктимности (виктимности в действии). Отметим, что подросток-девиант всегда является жертвой ревиктимизации, это и дает нам основание определять подростка-виктима как социально-психологический виктимотип.

Механизм девиктимизации – устранения виктимности самосознания и формирующих его функционально-психологических систем.

Интерпретируемая виктимодрама-концепция социально-психологической виктимологии личности Е. В. Руденского реализуется в ходе исследовательской работы автора с подростками-девиантами по развитию социального интеллекта в качестве превентивной меры по устранению одного из ключевых источников дефицитной деформации личности подростка. Изучение реализуется на выборке из 130 человек, отобранной на базе образовательного учреждения МБОУ СОШ № 172 г. Новосибирска, центра психологической поддержки молодежи МБУ Центр «Родник», ГАУСО НСО «Социально-реабилитационный центр “Снегири”». Оно выстроено на сочетании трех основных

направлений: экспериментально-генетический метод, методы статистического анализа как количественные методы, клинико-виктимологический анализ как качественный метод. Отметим, что в рамках данной статьи весь алгоритм применения количественных методов излагаться не будет, а результаты их применения – лишь по необходимости. Мы остановимся на изложении применения качественного метода клинико-виктимологического анализа.

Проблема, возникающая в процессе работы с подростками-девиантами, заключается в том, что сценарий его развития не монолитный и не однотипный, наоборот, существует несколько различных сценариев развития подростков-девиантов, а значит, что существует и несколько типов отношений, носящих характер межличностной патологии. Следовательно, существует необходимость модификации программы работы с данными подростками в зависимости от социально-психологического типа, однако современная социально-психологическая мысль хоть и предлагает классификацию этих типов и отражена в работах В. М. Миниярова социально-психологические типы, относящиеся конкретно к подросткам-девиантам, не выделены, не проведено клинико-виктимологического анализа этих типов.

Виктимодрама-концепция как основа социально-психологической виктимологии Е. В. Руденского позволяет нам рассматривать подростка-девианта не просто как систему виктимо-диспозиций, а как виктимодрама-диспозицию. Более подробно концепция виктимодрама-диспозиции раскрывается в статье Е. В. Руденского, публикуемой в этом же номере журнала (то же касается и приводимой ниже концепции социально-психологического виктимотипа). Мы же остановимся на рассмотрении подростка-девианта как носителя виктимодрама-диспозиции с точки зрения системы механизмов.

1. Трансформация социально-психологического типа под воздействием неблагоприятного детского опыта.

2. Формирование социально-психологического виктимотипа в процессе инкорпорации неблагоприятного детского опыта в субъектно-регуляционную систему сознания.

3. Деформирующая реализация социально-психологического виктимотипа в виктимодрама-диспозицию как результат действия механизма инкорпорации неблагоприятного детского опыта.

А также остановимся на рассмотрении виктимодрама-диспозиции с точки зрения ее структуры как социально-культурного сценария функционирования социального актора (человека действующего) – сценария, включающего в себя:

- 1) ситуацию действия;
- 2) ситуативные события, порождающие действие;
- 3) роли как модели действий, позиционный конфликт субъектов действия (социальных акторов);
- 4) задачи действия;
- 5) цель действия;
- 6) потребностную основу действия.

В основу нашего клинико-виктимологического анализа социально-психологических типов подростков-девиантов вошла теория социально-психологических типов личности В. М. Миниярова в ее клинико-виктимологической интерпретации [4]. Она создает основание для понимания концепта «подросток-виктим» как социально-психологического виктимотипа.

В начале необходимо определить к каким впоследствии трансформирующимся социально-психологическим типам из существующих в этой концепции относятся подростки-девианты. Для решения этой задачи на всей исследуемой выборке была проведена методика определения социально-психологического типа личности, разработанная В. М. Минияровым, а затем применен количественный метод подсчета средних значений. В итоге было выяснено, что подростки-девианты относятся к трем социально-психологическим типам:

1) агрессивный (доминирующий) тип. Оговоримся, что доминирующий тип переименован нами в агрессивный ввиду прямой связи агрессивности личности со стремлением к доминированию;

2) конформный тип;

3) тревожный тип.

Соответствуют им следующие стили семейного воспитания:

1) состязательный стиль;

2) попустительский стиль;

3) контролирующий стиль.

В соответствии с полученными данными, приведем модифицированный фрагмент из таблицы, приводимой В. М. Минияровым, показывающей соотношение основных видов отношений и их сочетание с типом личности и стилями воспитания. Таким образом, согласно нашему пониманию виктимодрама-диспозиции, мы отразим характер негативного детского опыта как точку отсчета дефицитной деформации личности.

Таблица

Основные виды отношений и их сочетание с типом личности и стилями воспитания (модифицированный фрагмент)

Виды отношений	Социально-психологический тип личности		
	Агрессивный	Конформный	Тревожный
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Отношение родителей к деятельности ребенка	Стимулирование к состязанию с другими	Удовлетворение желаний ребенка путем ласки, смирения, сопереживания	Полное ограничение самостоятельной деятельности
Отношение родителей к методам поощрения и наказания	Похвала и поощрение	Непоследовательное или даже одновременное применение наказаний и поощрений	Применение насильственных мер в виде наказаний

Окончание табл.

1	2	3	4
Отношение родителей к ребенку	С восторгом, гордостью	Отсутствие заботы о детях	Жесткие, требовательные
Отношение родителей к окружающим людям	Ставят себя в пример и своего ребенка	Ложь и лицемерие, мелкий расчет и стремление к мелкой наживе	Раздражение по отношению к окружающим людям
Отношение родителей к нравственным ценностям	Требуют формального соблюдения нравственных норм	Требование от детей соблюдения внешних обрядов, значение которых не объясняется. Соблюдение внешних приличий в обществе	Беспрекословное выполнение нравственных требований
Отношение родителей к мыслительной деятельности ребенка	Потакательство всему, чем ни занимался, лишь бы мог выделиться	Не возбуждают внимание ребенка, не побуждают к размышлениям. Стараются устранить такие рассуждения	Запрещается рассуждать, обязан выполнять немедленно распоряжения
Стиль семейного воспитания	Состязательный	Попустительский	Контролирующий

Все три стиля семейного воспитания объединяет основание культуры семейных отношений на культуре нарциссического перфекционизма, лозунг которой «будь идеальным любой ценой», а также на культуре потребительского гедонизма, в которой получение удовольствия от потребления обозначается как самоцель, без наполнения такого образа жизни смысловой нагрузкой.

Таким образом, в зависимости от стиля воспитания имеет место разная конфигурация получаемого ребенком негативного детского опыта, поскольку несмотря на общие черты, подразумеваемые категорией «подросток-девиант», фундамент для последующей деформации личности ребенка закладывается в разных видах отношений. Для агрессивного типа – в отношении к деятельности ребенка, к нравственным ценностям и к мыслительной деятельности ребенка. Для конформного типа – отношение к методам поощрения и наказания, к ребенку, к окружающим людям, к нравственным ценностям, к мыслительной деятельности ребенка. Для тревожного типа – во всех перечисленных в таблице видах отношений.

Список источников

1. *Вересов Н. Н.* Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья вторая) // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11, № 1. – С. 117–126.
2. *Вересов Н. Н.* Экспериментально-генетический метод и психология сознания: в поисках утраченного (статья первая) // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10, № 4. – С. 121–130.
3. *Клейберг Ю. А.* Психология девиантного поведения: учеб. пособие. – М.: Сфера: Юрайт-М, 2001. – 160 с.
4. *Минияров В. М.* Психология семейного воспитания (диагностико-коррекционный аспект). – М.; Воронеж: Изд-во МПСИ: МОДЭК, 2000. – 256 с.
5. *Руденская Ю. Е.* Девиантная виктимность в системе категорий социально-психологической виктимологии личности // Девиации и аддикции современного общества: анализ, превенция, коррекция: материалы международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 14–16 декабря 2013 г.). – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – С. 174–182.
6. *Руденский Е. В.* Виктимо-драма межличностных отношений концептуализация методологии гносеологии социально-психологического механизма виктимизирующих межличностных отношений // Наука. Образование. Инновации: новые подходы и актуальные исследования: материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 25–28 февраля 2025 г.). – М.: СКИ, 2025. – С. 10–30.
7. *Руденский Е. В.* Виктимо-драма межличностных отношений: концептуализация и феноменология механизма виктимизирующих межличностных отношений: сборник материалов всероссийского форума специалистов помогающих профессий с международным участием. – Новосибирск: Манускрипт-СИМ, 2025. – С. 43–54.
8. *Руденский Е. В.* Дефицитарная деформация личности подростка как предмет психологического исследования. – Новосибирск: Изд-во СибПСИ, 2002. – 60 с.
9. *Руденский Е. В.* Концептуальное введение в культурно-генетическую виктимологию. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012. – 182 с.
10. *Руденский Е. В.* Психология отклоняющегося развития: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., испр и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 392 с.
11. *Сальников О. О.* Функционально-психологическая девиация как основа девиантной виктимности // Вопросы девиантологии. – 2023. – № 2 (14). – С. 130–136.

Информация об авторе

Олег Олегович Сальников, аспирант 3-го года обучения факультета психологии, магистр психолого-педагогического образования, Новосибирский государственный педагогический университет; исполнительный директор, Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского; психолог, Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Снегири», Новосибирск

Поступила: 16.02.2026

Одобрена после рецензирования: 21.04.2026

Принята к публикации: 25.05.2026

Общие сведения по оформлению материалов

Редакция журнала обращает внимание авторов на правила оформления и требования к материалам. К рассмотрению (рецензированию) допускаются только полностью соответствующие требованиям материалы для статей.

1) Материалы для публикации необходимо оформлять в соответствии с российскими и международными профессиональными требованиями к научной статье:

Формат текста: Microsoft Word (*.doc, *.docx). Допускается архивация с помощью RAR или ZIP;

Формат страницы: А4 (210×297 мм);

Ориентация: книжная (альбомная ориентация запрещена!);

Поля: 2 см (верхнее, нижнее, левое, правое)

Шрифт: Times New Roman, размер (кегель) – 14

Абзацный отступ (красная строка): 1,25

Межстрочный интервал: 1,25

Объем статьи: 5–25 стр. (до 40000 знаков, 1 печатный лист)

Переносы и номера страниц не ставятся.

Таблицы, рисунки и графики имеют сквозную нумерацию и названия, вставляются как внедренные объекты и входят в общий объем публикации.

Содержание статьи должно быть проверено автором на отсутствие грамматических, стилистических и других ошибок и быть оформлено в международном научном стиле.

Название файла должно соответствовать фамилии и инициалам первого автора (напр.: Иванов И. И. или Ivanov I. I.).

2) Публикуемые к статье сведения на русском языке.

– УДК

– Фамилия, имя, отчество автора/авторов (полностью)

– адресные сведения об авторе без сокращений и аббревиатур: место работы (учебное заведение или организация), город, страна

– название статьи

– аннотация статьи

– ключевые слова

– пристатейный список литературы

Если авторов несколько, информация о них представляется поочередно.

Шрифт жирный, размер шрифта – 14, выравнивание текста по центру.

Структура оформления статьи:

– название статьи

– аннотация: 450–1500 знаков (50–200 слов); структурированная развернутая аннотация сохраняет структуру статьи и содержит компоненты:

– ключевые слова: 5–10 слов, размер шрифта – 12;

– проблема и цель исследования;

– методология (материалы и методы);

- результаты исследования;
- заключение (выводы в соответствии с целью статьи, вклад автора).

Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Не допускается в аннотации цитирование и ссылки на другие работы. Размер шрифта – 12.

3) Текст статьи: содержание и структура.

Содержание научно-исследовательской статьи формируется с соблюдением нижеописанной структуры и должно представлять интерес для читателей журнала:

- *постановка проблемы*, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме;
- *методология* (материалы и методы);
- *результаты исследования*, обсуждение;
- *заключение* (выводы в соответствии с целью статьи, вклад автора).

В статьях аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов после пристатейного списка литературы размещается информация о научном руководителе:

- ФИО (полностью);
- ученая степень;
- ученое звание;
- занимаемая должность;
- место работы (кафедра, факультет, учебное заведение или организация);
- город;
- страна;
- e-mail;
- ORCID (желательно).

4) Пристатейный список литературы (на русском языке).

Содержит не менее 10 научно-исследовательских источников (для теоретических обзоров – не менее 30 источников), в т. ч. не менее 30 %, опубликованных за последние 3–5 лет в научных изданиях, индексируемых в базах данных РИНЦ, SKOPUS.

Оформляется согласно ГОСТ 7.0.5-2008 (Общие требования см. <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>). Все источники по возможности должны иметь DOI или URL-адрес национального архива (электронные ссылки в пристатейном списке литературы должны быть активны). За достоверность представляемых библиографических данных ответственность несут авторы вплоть до отказа в праве на публикацию.

Библиографические ссылки в тексте указываются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы (в случае цитирования), например, «Текст цитаты...» [3, с. 32]. Использование подстрочных ссылок не допускается.

Списки литературы признают идеи других авторов и помогают избежать обвинения в плагиате; позволяют читателям найти источники материалов, на которые ссылается автор; демонстрируют масштаб исследований автора (через возможное, не более 25 %, цитирование своих публикаций).

5) Сведения об авторах подаются адресные и полные (без сокращений и аббревиатур).

Адресные сведения об авторе – размещаются в авторском резюме:

- инициалы и фамилия;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы (кафедра, факультет, учебное заведение или организация);
- место работы по проекту (при наличии);
- занимаемая должность (для студентов / магистрантов / аспирантов – курс, направление обучения, факультет, учебное заведение);
- город;
- страна;
- e-mail;
- ORCID (желательно).

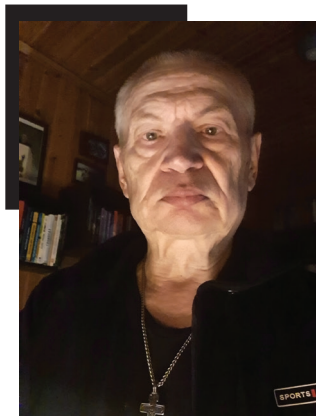
Адресные сведения об авторе передаются в базы цитирования в сопровождение к тексту статьи, поэтому важна правильная и полная подача адресных сведений авторов и принадлежность к организации. При необходимости автором указывается и основное место работы, и место работы по проекту, и место учебы (для студентов, магистрантов, аспирантов).

Отсутствие адресных сведений автора в полном объеме, а также отсутствие унифицированного написания наименований российских организаций (НИИ, вузов и др.) на английском языке, вольное их написание, применение сокращений и аббревиатур не позволяет корректно создавать профили авторов и организаций в базах цитирования.

Полные сведения об авторе – размещаются на отдельной (последней) странице и не входят в общий объем статьи:

- фамилия, имя, отчество (на русском языке);
- ученая степень, ученое звание (на русском языке);
- занимаемая должность (на русском языке);
- место работы: кафедра, факультет, учебное заведение или организация с указанием адреса организации без сокращений и аббревиатур (на русском языке);
- место учебы (для студентов / магистрантов / аспирантов) – курс, направление обучения, факультет, учебное заведение (на русском языке);
- почтовый адрес с указанием страны и индекса;
- e-mail;
- контактный телефон.

Полные сведения об авторе используются для создания базы данных статей на сайте журнала для внутреннего пользования и администрирования, являются конфиденциальной информацией и применяются в соответствии с законодательством об использовании персональных данных.

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУДЕНСКИЙ

Главный редактор журнала «Клиническая виктимология (клиническая социально-психологическая виктимология)», клинический социолог, клинический виктимолог, клинический психолог, режиссер-терапевт виктимодрама-социатрии, почетный академик международной академии образования, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор социальной психологии и клинической социологии, действительный член академии педагогических и социальных наук, действительный член международной академии образования, действительный член международной академии социальной работы, действительный член международной академии социального прогнозирования, действительный член международной академии психологических наук, член-корреспондент международной академии наук высшей школы, президент – научный руководитель научно-исследовательской ассоциации «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского», rudenskiy@rambler.ru, Колывань, Новосибирская область, Россия